

2.2. Канцелярия и делопроизводство в ретроспективе

УДК 651.012.12

Н. Н. Алеврас

ПРОТОКОЛЫ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И В ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ПРОТОКОЛОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАУЧНОЙ КОРПОРАЦИИ XIX–НАЧАЛА XX в. (К ВОПРОСУ О ТИПАХ ХРАНИТЕЛЕЙ ПАМЯТИ)¹

Рассматривается вопрос о характере информационного ресурса и видовой природе двух типов протоколов диссертационных диспутов представителями исторической науки. Один был порожден ординарной практикой университетских архивистов, второй – актуальной для современников потребностью фиксации защит диссертаций, как событий-феноменов университетской истории. Автор определяет специфику информации официальных и неофициальных протоколов в зависимости от целеполаганий их создателей. Университетское делопроизводство, формировавшееся в сегменте защит диссертаций, было ориентировано исключительно на осуществление отчетной миссии по регистрации фактов реализованных научных мероприятий. Поэтому официальные протоколы малоинформативны. Иной характер имел опыт ведения неофициальных протоколов диспутов, осуществляемых по инициативе активистов из среды ученых-историков. Их усилия были направлены на создание стенографически точного запечатления хода диспута как актуального события университетской жизни. В основе этого подхода лежала особая целевая установка: диссертационный диспут воспринимался как феномен повышенного значения. Он должен был войти в анналы университетской истории. Такой подход имел коммеморационную основу.

Ключевые слова: университетские архивы, протоколы, диссертационный диспут, ученые-историки, университетское сообщество, неофициальные протоколы, память, научная корпорация.

Разрабатывая тематику, связанную с исследованием университетской культуры, историки актуализировали проблемы поиска и аналитической интерпретации документально-информационных ресурсов университетских архивов. Имеется акцентуация их роли как «создателей» и «хранителей» «университетской памяти» [Вишленкова, Ильина, 2017, с. 329–357] и их функций как специфического «средства управления российскими университетами»

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда перспективных научных исследований (ФПНИ) Челябинского государственного университета. Приказ от 04.02.2020. № 70-1. Тема гранта: Модель российской диссертационной системы: исторический опыт формирования.

[Вишленкова, Ильина, 2017, с. 83–101]. Одновременно появились монография (2017) и статья В. П. Козлова о «документальной памяти» [Козлов, 2018, с. 424–430].

Полагаю, что архивы, в том числе университетские, с их документальными коллекциями могут рассматриваться как места хранения «университетской памяти», но документы сами по себе не могут «помнить», а их «память» – «обладать высокой степенью неприкосновенности» [Козлов, 2018, с. 424–426]. Память о прошлом формируется и фиксируется людьми в разных целях, обладая способностью вступать в конфликт между представителями различных культур и поколений. Ученый-исследователь, изучая делопроизводственную документацию, формирует представление о прошлом, учитывая целеполагания, которыми руководствовались создатели документов этого вида.

В данном случае нас интересуют протоколы защит диссертаций ученых-историков двух типов: *официальных*, создававшихся с начала XIX в. Более тщательно они оформлялись и представительно сохранились в делопроизводстве российских университетов в условиях реализации Положения об ученых степенях 1844 г. Второй тип протоколов *неофициального происхождения*, стал формироваться во второй половине XIX – начале XX вв. на основе инициатив представителей научной корпорации.

Официальные протоколы применительно к первой трети XIX в., когда только приобретался опыт первых защит диссертаций, получили обобщенную характеристику у исследователей университетской истории. В частности, К. А. Ильина, имея в виду Московский университет, приходит к выводу о том, что протоколы этого периода содержали «фиксацию этапов академической аттестации (прошение, экзамен, одобрение и защита диссертации)» без каких-либо «оценочных суждений», а лишь на уровне «регистрации фактов» ознакомления с диссертацией и ее одобрения. [Ильина, 2018, с. 118]

Отмечу, что в первой трети XIX в. (1810-е–1830-е гг.) во всех российских университетах по историческим наукам состоялось лишь 27 диссертационных диспутов. Сохранность протоколов для категории соискателей-историков этого периода еще предстоит уточнить. Ситуация позитивно меняется в связи с реорганизацией архивов университетов в 1820-е – 1830-е гг. и введением должности университетского архивариуса [Вишленкова, Ильина, 2017, с. 88–89].

Кроме того, важным фактором организационно-институционального значения стало утверждение в 1844 г. нового Положения об ученых степенях, существенно повлиявшего на динамику защит диссертаций историками: только за два последующих десятилетия (1840-е–1850-е гг.) состоялось уже 60 диспутов.

Вышеназванный нормативный документ впервые четко определил процедуру диссертационного диспута как основного инструмента статусной аттестации соискателя. Тогда же был сделан акцент на принцип публичности диспутов и актуальности факультетского отзыва о диссертации как основного экспертного документа для присвоения ученой степени.

Традиция протоколирования защит диссертаций складывалась постепенно на основе официального признания актуальности подобных событий университетской жизни и повышенного к ним интереса представителей университетской корпорации и культурной общественности. Сохранилась коллегия официальных протоколов 1840-х – 1850-х гг., зафиксировавших ход защит магистерских и докторских диссертаций на историко-филологическом факультете Московского университета. Среди них – протоколы защит таких известных историков как Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, И. К. Бабст, И. В. Вернадский, С. В. Ешевский [РГИА, оп. 95, д. 1445. Л. 165–170 об.; 196–198 об.; 203–205 об.; 338–341; 362–377.].

Содержание официальных протоколов указанных десятилетий свидетельствует, что и они не были нацелены на воспроизведение всего сценария диспута. В то же время они включили некоторые подробности защит диссертаций: фиксировали присутствие основных участников диспута, от имени факультета формулировали общее впечатление от профессиональных качеств соискателя и достоинств его диссертации, чего применительно ко второй половине XIX – начала XX вв. уже не наблюдалось. Сохранившиеся в архиве МНП протоколы 1840-х – 1850-х гг. несут отпечаток пафосного настроения. Уже своим внешним видом и исполнением они демонстрировали отношение к диспутам как торжественным событиям университетской жизни. Ряд из них зафиксировали присутствие высокопоставленных лиц на защите. В частности, в них фигурируют имена попечителей Московского учебного округа – С. Г. Строганова, Д. П. Голохвастова, ректоров Московского университета, представителей университетского Совета, участие которых в диспутах как бы символизировало значимость не только диспутов как событий, но и ценность самих протокольных документов.

Устав 1863 г. и новое Положение об ученых степенях (1864) усилили и закрепили акценты Положения 1844 г. Но ни один из основных нормативных документов в интересующей нас области университетской жизни, вводившихся с начала XIX в. до устава 1884 г. включительно, не оговаривал ни необходимости составления протоколов защит, ни, тем более, стандартов их оформления.

Во второй половине XIX – начале XX вв., когда существенно выросло число представляемых диссертаций и их защиты стали общей университетской практикой и некоей обыденностью, протоколы приобрели предельно упрощенный характер. Совокупность факторов провоцировала превращение

процедуры протоколирования в академическую рутину. Например, в Московском университете сведения о диссертационных диспутах ученых входили в общий состав протоколов заседаний историко-филологического факультета. На уровне крайней лапидарности выглядело содержание официальных протоколов защит. За редким исключением в них после даты диспута сообщалось лишь о факте оглашения факультетского отзыва о диссертации, указывалась личность соискателя, давалось название его диссертации, фиксировались официальные и неофициальные оппоненты, констатировалось присуждение той или иной ученой степени. Протокольные записи заседаний факультета по поводу защит диссертаций нередко занимали всего несколько строк [ЦГАМ, оп. 476, д. 9, 19, 27 и др.].

Вместе с тем длительность реальной процедуры защит диссертаций выражалась довольно продолжительным временем и иногда доходила до 5–6 часов. Это время было наполнено речами диссертантов, полемикой между соискателями и официальными оппонентами, выступлениями неофициальных оппонентов и представителей из «публики». Поэтому тексты протоколов защит диссертаций, возникших в университетском делопроизводстве, не корреспондируются ни с содержанием всех процедур диспута, ни с восприятием современниками данных научных событий университетской жизни. Достаточно обратиться к воспоминаниям, дневникам, переписке ученых, чтобы убедиться в неподдельном интересе научного сообщества к диссертационным диспутам как особым культурным феноменам и специфической научной коммуникации. Не случайно известный историк В. И. Пичета, признаваясь, что в диспутах «искали живого слова, живой мысли <...>», с горечью констатировал, что их никто «не стенографировал» [Пичета, 1989, с. 583–596]. В этой же связи отметим практику некоторых ученых-историков (в частности, М. М. Богословского и А. Н. Савина) фиксировать ход диспутов в дневниковых записях. Их опыт является свидетельством значимости для научной жизни современников защит диссертаций как актуальных академических событий [Богословский; Савин].

Впервые создание неофициального протокола диссертационного диспута с последующей его публикацией по моим наблюдениям было предпринято в связи с защитой в 1872 г. магистерской диссертации В. О. Ключевского. Ход диспута зафиксировал Е. В. Барсов – известный историк-этнограф, секретарь и редактор Чтений ОИДР, выступивший в качестве неофициального оппонента на диспуте историка. Описание диспута Ключевского Барсов опубликовал в «Современных известиях» в год защиты указанной диссертации. Повторная публикация была осуществлена в 1914 г. [Барсов, 1914, с. 65–71].

С 90-х гг. XIX в. в научной среде историков столичных университетов формируется выразительное стремление внедрить неофициальное протоколирование диссертационных диспутов как постоянную практику и придать

протоколам характер документов, соответствовавших значимости этих событий для современников. В это время вполне выразилось стремление научного сообщества выработать традицию системной фиксации содержания хода защит и диспутационных полемик во всей их полноте. Подобный опыт общественной инициативы историков выразился в составлении и публикации многостраничных «неофициальных протоколов» диспутов, осуществленных по инициативе Н. И. Кареева научным журналом петербургских историков «Историческое обозрение», редактором которого он являлся [Историческое обозрение, 1890—1892]. Впоследствии этот опыт использовался в ряде иных научных изданий начала XX в.

Добровольные «протоколисты» из среды ученых-историков стремились к стенографической точности изложения хода диспутов. Такую роль взял на себя и упомянутый выше Пичета. В начале XX в. он создал протоколы и опубликовал ход диспутов Ю. В. Готье и А. И. Яковлева [Пичета, 1989, с. 592]. Вместе с тем, общественная инициатива не смогла, конечно, охватить всю совокупность защит диссертаций, поэтому опубликованные «неофициальные протоколы» имеют характер выборки, определявшейся степенью признания научной общественностью значимости тех или иных диссертаций и соответствующих заслуг их авторов.

Итак, процессы формирования и трансформации практик официального протоколирования диспутов выражают формально-бюрократический подход к созданию протокольного документа, ориентированного на предельную лапидарность информации. Этой позиции противостояла усиливавшаяся активизация представителей научной корпорации, устремившихся к актуализации информационного ресурса диссертационных диспутов как феноменов университетской культуры. Создание «неофициальных протоколов» было ориентировано на их ценностное восприятие представителями историко-научной среды. Добровольные протоколисты стремились к предельной точности воспроизведения хода диспута, осознавая историографическую и мемориальную значимость данных университетских событий.

Резюмируем: информационный потенциал протоколов, созданных «канцеляристами» и «академистами», принципиально различен. В первом случае минимизированный официальный протокол не содержит признаков мемориальности: его создатели, согласно своей функциональной роли, реализовывали цель, ограниченную официальным удостоверением факта диспута. Во втором – протоколы велись на иной целеполагающей установке: их текст формировался и публиковался для запечатления диспута-события как значимого явления в истории научного сообщества, что и порождало мемориальные интенции как имманентную составляющую их происхождения и содержания. «Неофициальные протоколы», выходящие за границы традиционного

подхода канцеляриста-архивариуса к созданию делового документа, предстают уже в иной видовой ипостаси, являясь фиксацией научных событий с целью сохранения памяти о них.

Список литературы

- [Барсов Е. В.] Диспут Ключевского // Чтения ОИДР, 1914. Кн. 1.
Богословский М. М. Дневники 1913–1919. Из собрания государственного исторического музея. М.: Время, 2011.
Вишленкова Е. А., Ильина К. А. Архив как средство управления российскими университетами // Биографии университетских архивов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 83–101.
Ильина К. А., Вишленкова Е. А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 329–357.
Ильина К. А. Оценивание магистерских и докторских диссертаций в российских университетах первой половины XIX века // Новое литературное обозрение. №. 150. [2’2018]. С. 116–128.
Историческое обозрение. СПб., 1890–1892. Тт. 1–3,5.
Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом, и источниковедческом знании // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 424–430.
Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901 гг.) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: «Современник», 1989. С. 583–596.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733. Оп. 95. Д. 1445.
Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 / А. Н. Савин / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
Центральный государственный архив г. Москвы. ЦХД до 1917 г. (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 476. Д. 9, 19, 27 и др.

УДК 94”17”

Е. В. Бородина

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНЫХ КАНЦЕЛЯРИЯХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В 1720-е гг.¹

Статья посвящена изучению вопроса законодательного регулирования деятельности делопроизводителей судебных канцелярий – учреждений, созданных в годы второй административной реформы Петра I. Автор обратил внимание, что Генеральный регламент – центральный нормативный правовой акт, определявший основные механизмы работы органов власти и устанавливавший новые отношения между присутствием и канцелярией того или иного ведомства, –

¹ Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-09-42022 («Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.»).